

Декабря 16 (29)

Священномученик
Аркадий (Остальский),
епископ Бежецкий, викарий Тверской епархии

Священномученик Аркадий родился в апреле 1888 года в селе Яковицы Житомирского уезда Волынской губернии в семье священника Иосифа Остальского. Родители будущего святителя, священник Иосиф и его супруга София, жили поначалу в одном из сел в окрестностях Житомира, но впоследствии переехали в Житомир, куда перевели служить о. Иосифа. У них было два сына и дочь, которая умерла в возрасте трех лет. Семья была небогата – в Житомире они жили в небольшом доме из трех маленьких комнат, крытом соломой.

Аркадий окончил Волынскую Духовную семинарию, а затем в 1910 году Киевскую Духовную академию. Надо было выбирать дальнейший жизненный путь. Он еще юношей мечтал о монашестве, мечтал отдать свою жизнь служению Богу, не разделяя это служение ни с чем земным, но родители желали видеть его женатым, семейным священником, и Аркадий выказал послушание воле родителей и женился. Но этот брак оказался неудачным.

Сразу же после окончания академии Аркадий Остальский был назначен помощником епархиального миссионера и на этом поприще проявил себя энергичным и ревностным деятелем. Впечатления о некоторых своих поездках и суждения относительно сектантов на Волыни он опубликовал в отчетах, напечатанных в епархиальных ведомостях¹.

В 1911 году Аркадий Остальский был рукоположен в сан священника к Староконстантиновскому собору при оставлении в должности епархиального миссионера – церковном послушании, которое он нес с великой ревностью до самого начала Отечественной войны 1914 года, когда вместе с народом и паствой он разделил все тяготы походной жизни и войны, став военным священником в 408-м Кузнецком пехотном полку².

В 1917 году о. Аркадий вернулся в Житомир и служил сначала в храме преподобного Серафима Саровского, а затем в Николаевской церкви. К этому времени относится его энергичная церковная деятельность в Житомире. Он стал неутомимым проповедником православия: за различными богослужениями ему в то время приходилось говорить по несколько проповедей в день. За свои вдохновенные проповеди он получил от современников прозвание Златоустого.

На Волыни после революции началась гражданская война. Город Житомир занимали враждующие войска, и большинство населения бедствовало.

По благословию святого епископа Фаддея, бывшего в то время епархиальным архиереем, о. Аркадий организовал при своем приходском храме Свято-Николаевское братство, которое оказывало помощь всем нуждающимся и больным, хоронило умерших, не имевших близких и родственников. Отец Аркадий сам руководил деятельностью братства и поименно помнил всех больных, которых оно опекало, и, бывало, не раз спрашивал, кто дежурит сегодня у такой-то больной, кто понесет такой-то обед.

Воспитывая членов братства в духе ревностного христианского служения, о. Аркадий вместе с ними предпринимал долгие пешие паломничества к православным святыням, в частности в Киев. Дорогой они пели акафисты и

церковные песнопения. Это были крестные ходы, которые проходили более двухсот километров, когда паломники останавливались помолиться

у святынь, встречавшихся им на пути. Это были паломничества в кругу и среди верующего народа, которые укрепляли волю и веру, в чем многие тогда, оказавшись среди испытаний и государственной разрухи, особенно нуждались. В конце концов Свято-Николаевское братство получило такую известность, что в Житомир стали приезжать люди из других городов. Из Киева приехали графиня Наталья Ивановна Оржевская и ее племянница княжна Наталья Сергеевна Шаховская, принявшие деятельное участие в делах братства.

Отец Аркадий не только других побуждал к нищелюбию и жертвенности, но и сам показывал пример этой жертвенности и крайнего нестяжания. Близкие, зная, что он нуждается и не имеет средств, сшили ему шубу. Эту шубу он надел всего два раза, затем она внезапно исчезла. Оказалось, что он отдал ее бедной вдове, у которой было двое больных туберкулезом детей. Когда мать священника, Софья Павловна, спросила его, где шуба, он ответил, что она висит в алтаре. Но затем и в церкви поинтересовались, куда делась шуба, и о. Аркадий вынужден был со смущением ответить: "Она висит там, где нужно". Однажды он вышел из Житомира в сапогах, а в Киев пришел уже в лаптях. Оказалось, что ему на пути встретился какой-то бедняк, и они поменялись обувью. В другой раз о. Аркадий отдал какому-то неимущему брюки и остался в нижнем белье, а чтобы этого не было видно, зашил впереди подрясник, чтобы полы не распахивались.

Зная его милосердие и мягкосердечность, к нему с просьбами подходили и недостойные люди, пытавшиеся обмануть пастыря. Как-то сшили о. Аркадию красивый подрясник, который у него выпросил горький пьяница, прикинувшись бедняком. Через некоторое время духовные дети священника увидели этого пьяницу продающим подрясник о. Аркадия, им пришлось выкупить его и отдать владельцу.

У о. Аркадия не было почти никаких личных вещей и ничего ценного. В его комнате была только самая необходимая мебель. И однажды, вспомнив о ком-то из нуждающихся в материальной помощи, он зашел в комнату матери, Софьи Павловны, и, взглянув на висящий на стене ковер, осторожно спросил:

– Этот ковер наш?

– Наш, но не твой, – ответила Софья Павловна, поняв, что он хочет его кому-то отдать.

Отец Аркадий часто служил и всегда исповедовал. На исповеди он никого не торопил, предлагая без стеснения назвать то, что мучает душу человека, грехи, которые, как тяжелое бремя, отягощают совесть. Иногда исповедь затягивалась до двух часов ночи.

Активная деятельность священника обратила на себя внимание безбожных властей, и если он не был арестован сразу, то лишь потому, что на Волыни шла гражданская война, и область наряду с большевиками занимали то немцы, то петлюровцы. На Украине в то время была создана раскольничья автокефальная украинская церковь, которую поддерживали националисты-петлюровцы; к ней о. Аркадий относился отрицательно как к организации неканонической и, несмотря на давление петлюровских властей, принуждавших к переходу в раскольничью организацию, стоял непоколебимо в своей верности канонической церкви.

В 1920 году в Житомире утвердились большевики. Весной 1922 года началось изъятие церковных ценностей из храмов советской России. В Житомире

было получено послание Святейшего Патриарха Тихона относительно изъятия ценностей, в котором предлагалось отдавать только те церковные вещи, которые не имели непосредственного употребления в богослужении. По распоряжению Волынского архиерея о. Аркадий огласил послание в церкви. Это явилось достаточным поводом для ареста. Священник Аркадий и его отец, священник Иосиф Остальский, были арестованы и заключены в тюрьму, где о. Иосиф вскоре и умер.

Отец Аркадий был арестован в то время, когда он выходил из храма после окончания божественной литургии. Его и сотрудников ГПУ окружила толпа верующих, которые сделали попытку отстоять пастыря. После этого часть людей была арестована и заключена вместе с ним в Житомирскую тюрьму. Весть об аресте любимого пастыря облетела город, и в тюрьму стали приносить передачи в таком количестве, что их хватало и заключенным, и надзирателям.

Через два дня всем арестованным за защиту священника было предложено освобождение под условием, что они подпишут бумагу, в которой о. Аркадий обвинялся в сопротивлении органам советской власти и возбуждении против нее народа. Арестованные отказались, написав, что пошли за о. Аркадием по собственной воле, но всё же были освобождены.

Вскоре состоялся открытый судебный процесс над священником. Отец Аркадий обвинялся в чтении послания Патриарха Тихона, что суд истолковал как деяние контрреволюционное. На суд было вызвано множество свидетелей. Все они говорили об о. Аркадии как об удивительном пастыре, прекрасном человеке, бессребренике, священнике, который всю свою жизнь посвятил служению Богу и людям. Приводилось множество примеров, характеризующих его доброту и исключительную самоотверженность. Однако прокурор, подводя итог свидетельским показаниям, сказал, что данные характеристики, служат не к оправданию священника Аркадия Остальского, а только утяжеляют характер его преступления, показывая в нем человека идейного, убежденного, между тем как проповедуемые священником религиозные идеи противоречат установкам и идеям советской власти; такие люди, как священник Аркадий Остальский, не только не нужны советскому государству, но и крайне вредны для него.

Суд приговорил о. Аркадия к расстрелу. Рассказывают, что во время чтения обвинительного заключения и приговора о. Аркадий заснул, и конвоиры вынуждены были его разбудить, чтобы сообщить, что он приговорен к смерти.

– Ну что ж, – сказал священник, – благодарю Бога за все. Для меня смерть – приобретение.

После суда паства стала хлопотать о смягчении приговора, и он был заменен пятью годами заключения, которое о. Аркадий отбывал в Житомирской тюрьме. В 1924 году власти приняли решение освободить всех тех, кто был приговорен революционными трибуналами по делам об изъятии церковных ценностей, и таким образом о. Аркадий после двух лет заключения был освобожден.

В то время, пока он был в заключении, его супруга вышла замуж за офицера Красной армии, потребовав после освобождения о. Аркадия из тюрьмы, чтобы он дал ей развод для устройства своей семейной жизни. Детей у них не было, о. Аркадий отдавал все время молитве и церкви и теперь был рад, что Господь разрешил его от этих уз.

Освободившись из тюрьмы, он поехал помолиться в Дивеевский монастырь и в Саров. В Дивееве его встретила блаженная Мария Ивановна, которая внимательно поглядела на приехавшего помолиться священника и сказала ему:

"Будешь епископом, но из тюрьмы не выйдешь". В Саровской Успенской пустыни он был пострижен в мантию с оставлением того же имени.

Вернувшись из Сарова в Житомир, иеромонах Аркадий все время стал отдавать братству и усилил молитвенные и аскетические труды; перед ним, как никогда ясно, предначертались смысл и цель христианской жизни – в стяжании Духа Святого и в святости. Он видел, что внешний мир – и государственный, и административно-церковный, беспощадно разрушался врагами Христа и все попытки восстановить его могли оказаться тщетными, и потому для верующих самым надежным оставался узкий путь ко спасению – в исполнении с наивозможной тщательностью заповедей Христовых. Если и раньше он видел это основанием своей пастырской деятельности, то теперь, отрешившись от мира, став монахом, он усилил на этом поприще свои труды. На одной из открыток, подаренной духовной дочери, он написал пожелание, которое в такой же степени относил и к себе: "Не тот блажен, кто хорошо начинает, но кто хорошо кончает подвиг свой. Посему подвиг покаяния и борьбы со страстями должен быть пожизненным".

В это время ему по церковным делам часто приходилось бывать в Киеве и в Москве. В Киеве он служил в Никольском монастыре, в Москве останавливался на Валаамском подворье, а служил в Пименовском храме на Новослободской улице. За каждым богослужением о. Аркадий обязательно проповедовал. Его проповеди и исповедь собирали много молящихся, желавших послушать вдохновенное слово пастыря, исповедоваться и причаститься Святых Христовых Таин.

В начале 1926 года иеромонах Аркадий был возведен в сан архимандрита, а 15 сентября того же года в Москве был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Хиротонию возглавлял митрополит Сергей (Страгородский)³.

Почти сразу после хиротонии, в октябре 1926 года, владыка Аркадий был арестован и выслан в Харьков, куда ГПУ выслало многих выдающихся архиереев и священников украинских епархий. Въезд в епархию, в город Лубны, ему был запрещен, однако епископ все же решил выехать, чтобы отслужить хотя бы пасхальное богослужение.

Духовенство собора было заблаговременно оповещено о приезде назначенного в их город епископа. Приготовившись к пасхальному богослужению, ждали архиерея, но было уже около одиннадцати часов вечера, а о прибытии архипастыря не было никаких известий.

Епископ Аркадий выехал в Лубны тайно и перед самым началом пасхальной полунощницы, около половины двенадцатого, вошел в алтарь. Он был в пальто, в темных очках и в этом виде мало походил на епископа. Диакон собора стал прогонять незнакомца, говоря, что они ждут приезда назначенного к ним архиерея, и ему совсем не место сейчас в алтаре. Незнакомец попросил вызвать настоятеля, диакон уступил, и когда пришел настоятель, епископ Аркадий открылся ему и сказал, что он и есть назначенный к ним архиерей.

После объяснений владыка облачился, и началось пасхальное богослужение. Но еще не закончилась служба, как в храме стали появляться представители властей, дальнейшее пребывание владыки Аркадия в соборе грозило арестом, и он был вынужден скрыться. Это было единственное богослужение в назначенной ему епархии.

Епископ уехал в Новоафонский монастырь на Кавказе, жил в горах, встречался с подвижниками, которые населяли в то время пропасти и ущелья

Кавказских хребтов. Но и здесь положение было беспокойным, власти предпринимали меры к аресту монахов, с помощью охотников выслеживали их, арестовывали и расстреливали. Осознавая, что в любой момент он может быть также убит, епископ носил под подкладкой сапога свою фотографию, чтобы в случае смерти люди могли узнать о его участи.

Но несмотря на то, что ему пришлось вести такой образ жизни и быть в силу внешних обстоятельств оторванным от своей епархии, епископ Аркадий поддерживал тесную и частую переписку с духовенством Полтавской епархии. В конце 1927 года, после опубликования декларации митрополита Сергия, один из священников Полтавской епархии обратился к епископу с письмом, в котором заявлял, что отказывается от подчинения епископу Аркадию и митрополиту Сергию из-за декларации, так как она и ее применение на практике, по его мнению, по существу есть измена православию. Владыка Аркадий в ответ послал священнику письмо, где, в частности, поздравил его с днем Ангела, а затем пытался убедить в ошибочности его крайних взглядов. Священник несколько переделал письмо, опустил начало с личным обращением, поменял конец письма и в таком виде выпустил как послание епископа Аркадия к православным вообще и, в частности, к верующим Полтавы. Послание получило распространение на Украине, где епископа Аркадия хорошо знали в бытность его миссионером, священником и организатором братства, а затем и в России.

В конце двадцатых годов поднялось новое гонение на Русскую Православную Церковь, начались аресты духовенства и верующих. Скитания и жизнь в тяжелых условиях – то в городах, то в горах, подорвали здоровье епископа, и он заболел плевритом. Болезнь застала его во время приезда в Киев.

В конце зимы 1928 года жившая в Киеве духовная дочь владыки Аркадия отправилась в Лавру, чтобы купить несколько икон. Иеромонах Иеремия, продававший иконы, спросил ее, знает ли она, где находится епископ Аркадий. Вслед за этим она услышала, что кто-то окликает ее по имени. Оглянувшись, она увидела владыку Аркадия. Он был тяжело болен и с трудом передвигался. Девушка предложила владыке остановиться в ее квартире, где она жила вместе с матерью, а чтобы не стеснять епископа, она на это время перешла жить к подруге, навещая владыку для оказания ему врачебной помощи.

В этом доме епископ Аркадий прожил три недели и с помощью Божией, благодаря заботе благочестивых женщин оправился от своих недугов. Но оставаться далее в Киеве или ехать на Кавказ он уже не решался, предполагая, что его разыскивает ОГПУ и в любой момент он может быть арестован. Он не мог получить места для служения в какой-либо епархии без объяснения с властями и потому решил ехать в Москву и встретиться лично с начальником 6-го отдела ОГПУ Тучковым, к каким бы это ни привело последствиям.

9 мая 1928 года епископ Аркадий пришел в приемную ОГПУ для объяснений⁴. Владыка не был арестован сразу, но не был и отпущен; его продержали до 15 мая; дело владыки рассматривал заместитель председателя ОГПУ Ягода, который и выписал ордер на арест. Преосвященному Аркадию как преступление вменялось его письмо к лубенской пастве.

Сразу же после того, как владыке объявили, что он арестован, начались официальные допросы. Ему было зачитано его письмо, и следователь спросил:

- Каким епископом вы считаетесь?
- Лубенским.
- Зачитанное вам послание составлено вами?

– Это, во-первых, первоначально было частное, а не общественного характера письмо, принадлежащее действительно мне. Писано было в ответ на письмо священника, поддерживавшего меня материально. Письмо мое ему начиналось словами: "Дорогой отец Александр". За каковым обращением следовало поздравление с Ангелом. Кончалось письмо передачей поклона жене и детям. Никакого поручения превратить мое частное письмо в "обращение" общественного характера я никому не давал. Сделано это без моего ведома.

– Как фамилия этого священника Александра?

– Назвать ее не могу.

– Почему?

– Не желаю, чтобы он отвечал. Пусть вся ответственность лежит на мне.

– Значит, отказываясь назвать фамилию распространителя (притом самовольно распространявшего документ), вы хотите укрыть антисоветского деятеля?

– Не хочу выдать и не хочу укрыть; предоставляю этот вопрос времени⁵.

После допроса епископ был заключен в Бутырскую тюрьму.

14 июля следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, которое гласило: "В начале 1928 года первоначально по Украине, а затем по всему СССР стал распространяться резкий антисоветский документ, подписанный епископом Аркадием. Документ распространялся только среди антисоветских активных церковников под большой тайной.

Документ указывал на то, что Церковь подвергается гонениям за веру со стороны советской власти... Послание предлагает взять пример с мучеников, которые "умирали за свободу Церкви, за ее священные предания и даже за книги и сосуды". Призывает Церковь отказаться от выказывания всяких внешних знаков подчинения советской власти, а народу предлагает поддерживать стойкость и мужество попов заботой об их семьях и, в случае надобности, подталкивать попов на активность.

На основании изложенного был произведен арест епископа Аркадия Остальского.

Последний на допросе признал, что этот документ составлен действительно им. Назвать сообщников Аркадий отказался, "не желая подвергать их преследованиям".

На основании изложенного полагаю антисоветскую деятельность Остальского считать доказанной⁶.

23 июля Коллегия ОГПУ постановила заключить епископа Аркадия в концлагерь сроком на пять лет⁷. 27 июля он был отправлен с партией заключенных в Соловецкий концлагерь. Везли в товарных вагонах. Погода стояла жаркая, вагоны набили таким количеством людей, что сидеть было негде и ехали стоя. Не хватало воздуха; некоторые не выдерживали и умирали в пути. На остановках конвой открывал двери и вытаскивал из вагонов трупы.

12 августа преосвященный Аркадий прибыл в Соловецкий концлагерь и был определен в 11-ю роту на самую тяжелую работу. 10 сентября епископа перевели в 12-ю роту и назначили сторожем, 16 сентября перевели в 6-ю роту. Сторожем епископ прослужил до 9 мая 1929 года, когда его снова отправили на общие работы – рытье дренажных колодцев. В июне 1929 года епископа Аркадия отправили на общие работы на Троицкую командировку на остров Анзер.

В лагере епископа помещали то в барак, где большей частью были уголовники, то туда, где было заключено лишь духовенство, но и на

преступников, и на служителей Христовых владыка оказывал благотворное влияние. Лагерному начальству это не нравилось, и потому оно часто переводило епископа с места на место. Находясь в лагере, владыка не только раздавал все, что получал сам от своих духовных детей, но старался, чтобы и духовенство помогало друг другу, дабы никто не оказался в крайних обстоятельствах, лишенным поддержки.

В 1929 году митрополит Киевский Михаил (Ермаков) наградил одного из подчиненных ему священников, о. Михаила Савченко, палицей, но о. Михаил был к тому времени арестован, и награда ему не была вручена.

Когда известие о награде достигло лагеря, епископ Аркадий решил вручить ее заключенному священнику. По вручении награды был отслужен молебен, после которого владыка сказал, что духовенству в заключении следует поддерживать друг друга, призывая к помощи неимущим имеющим хоть какое-то обеспечение мирян. Слово владыки о конце мира, о переживаемых испытаниях, благотворительности и помощи друг другу было таково, что многие, слушая его, плакали.

Большое число осведомителей и постоянное наблюдение за заключенными еще более утяжеляли условия пребывания в лагере. Здесь на каждого узника был заведен секретный формуляр, в котором отмечалось его поведение, то, как он работает, что говорит и каких взглядов придерживается. На Анзере тюремщики писали о владыке Аркадии: "Взысканиям не подвергался, поведение и отношение к труду удовлетворительное, религиозного убеждения"⁸. В феврале 1930 года о пребывании епископа на Троицкой командировке они писали: "Епископ. Лагерным распорядкам не подчиняется по религиозным убеждениям; работу выполняет, поскольку находится в условиях лагеря"⁹. В июле надзиратель Троицкой командировки так характеризовал епископа: "Лагерному распорядку не подчиняется... группировал вокруг себя служителей культа, ведя среди них агитацию против обновленческого направления... Требует строгой изоляции и неуклонного наблюдения"¹⁰.

Подневольная жизнь в лагере такова, что ни на одном месте узника не оставляют надолго, и в октябре 1930 года епископа Аркадия перевели во 2-ю роту поселка Савватиево, где он получил место сторожа. Здесь старший надзиратель писал о нем: "Поведение хорошее, работу выполняет, так как находится в лагере... среди служителей культа имеет большое влияние; религиозного убеждения"¹¹. В марте 1931 года епископа снова перевели на общие работы на участок Овсянка, а затем на том же участке он работал сторожем.

В то время на острове еще жили вольные монахи Соловецкого монастыря, которым было разрешено совершать церковную службу сначала в храме преподобного Онуфрия Великого, а после его закрытия – в часовне, расположенной неподалеку от пристани. Поначалу лагерная администрация не смотрела строго на присутствие узников – архиереев и священников, на этих богослужениях, но затем, когда монахи были переведены в часовню, она старалась уже не допускать заключенных на эти службы. Благочестие и высокий авторитет среди заключенных и вольных монахов епископа-подвижника все более раздражали лагерное начальство, с наибольшей ненавистью и непримиримостью относившееся к православным, и оно стало искать повод, чтобы арестовать владыку. Среди заключенных были и такие, кто готов был засвидетельствовать любую ложь, только бы облегчить свою участь в неволе.

24 января 1931 года заключенный поселка Савватиево, который на воле был начальником отделения милиции, послал в секретную часть лагеря донесение¹² на епископа Аркадия и других священников, прося администрацию вызвать его на допрос, чтобы еще и устно рассказать о духовенстве. Начальство, решив арестовать владыку Аркадия, 9 марта вызвало доносчика, но он мало чем смог дополнить свое лжесвидетельство.

Зная отрицательное отношение епископа Аркадия к раскольничьей автокефальной украинской церкви, уполномоченный секретного отдела вызвал к себе священника этой церкви Степана Андреевича Орлика¹³, который показал: "21 ноября 1930 года (вернее, накануне этого дня по старому стилю) я узнал от священника Константина Травина, что в часовне около пристани, где проживают вольные монахи, состоится богослужение в последний раз, так как монахов отправляют на материк. Утром 21 в пять-шесть часов я зашел в часовенку. Там на втором этаже шло богослужение, которое совершал епископ Аркадий Остальский совместно со священником Савченко и вольным монахом. Остальные присутствующие, в том числе и я, пели. Личность Аркадия Остальского меня интересовала, так как я знал, что он на Соловках, а до этого мы не раз в Житомире и на Волыни вообще публично обличали друг друга в так называемой ереси. Богослужение ничем от обычного не отличалось, за исключением "слова утешения", произнесенного Остальским в конце литургии. Обратившись к присутствующим (было человек пятнадцать-двадцать), Остальский указал на гонения христиан в первые века, когда верующие прятались в катакомбы, сравнил первые века с теперешним временем и указал, что хотя молиться собираемся на чердаках, но унынию предаваться не следует, а каяться, молиться и просить у Всевышнего прощения личных наших грехов, и Богоматерь умолит Сына Своего ниспослать на наш народ страждущий и на страждущих насельников исторической святыни Соловецкой благодатную милость Свою, избавляющую от тяготы жизни настоящей, и будет вера наша крепка, то грядут и лучшие дни, и будем радоваться во Имя Господне"¹⁴.

Прошел праздник Введения во храм Пресвятой Девы Богородицы, минули Рождество и Крещение Господни, приближалось Благовещение, в это время лагерные власти решили закрыть доступ в храм священникам-узникам и арестовать епископа Аркадия.

После всенощной под Благовещение помощник старшего надзирателя подал коменданту Кремлевского поселка рапорт, в котором писал: "Доношу, что, на основании вашего распоряжения, я, прибыв в помещение часовни, занимаемой вольными монахами, обнаружил следующее:

В верхнем помещении часовни происходило богослужение, на котором присутствовало пятнадцать человек, из коих восемь человек заключенных.

Богослужение совершал вольный монах Мошников Ювеналий в полном облачении священнослужителя. Помогал же ему заключенный Травин Константин Павлович, одетый в монашескую мантию, так же был одет и заключенный Остальский Аркадий Осипович. Остальные заключенные стояли в своих одеждах.

Все присутствующие на богослужении мною переписаны, список коих при сем прилагаю.

Заключенный Остальский мною задержан и направлен в отдельное помещение.

Богослужение мною не прерывалось и по моем уходе продолжалось"¹⁵.

Здесь же был приложен список семи монахов и восьми заключенных. На следующий день уполномоченный секретной части начал допрашивать присутствовавших на службе заключенных и вольных монахов.

Был вызван для допроса священник Михаил Савченко, который, стараясь взвешивать каждое слово, ответил: "В Введение Остальский говорил слово, что нужно благодарить Бога, что Он у нас не отнял еще возможность совершать моление здесь, как ранее в катакомбах, причем указывал, что храмы отобрали только за наши грехи, и нам поэтому приходится собираться на чердаке, и призывал к молитве и покаянию.

При мне Остальский служил только один раз, говорил о посте и покаянии; об объединении духовенства ничего не говорил, а также не говорил и о взаимной поддержке или организации кассы взаимопомощи. Никому о желании взять на себя сбор пожертвований я не говорил. Вообще, я кое-кому пособлял, так как за время нахождения в Соловках получил до пятисот рублей переводов, а на себя поизрасходовал не более восьмидесяти рублей. Облачение, имеющее форму ромба, называется палицей и принадлежит к священническому облачению, точнее награде, которая дается по истечении трех лет с получения предшествующей награды. Такую палицу я получил в 1929 году к Пасхе по утверждению Киевского митрополита Михаила, но так как в это время я был в заключении, то палицы не получил, почему епископ Остальский однажды перед службой и возложил на меня палицу, взяв ее здесь у монахов; то есть он меня не наградил, а только возложил уже данную награду, так как палицу возложить может только епископ; это он сделал по моей просьбе; палица, как церковное облачение, осталась у монахов"¹⁶.

Вызванные для допроса соловецкие монахи отвечали еще сдержаннее, почти односложно, отрицая все, что возможно: "На Благовещение к нам на службу действительно приходили заключенные, они зашли еще до меня, когда я был на работе; кто служил, я уже не помню; Остальский проповеди не читал, а просто сказал слово – о положении христианства, но говорил очень мало. Когда Остальский надел на Савченко палицу, я не помню, может, меня в то время не было"¹⁷.

"На службу к нам заключенное духовенство ходило, но редко; на Благовещение тоже были. Аркадий Остальский был на службе, но он заходил наверх, и поэтому, сколько раз он бывал, я точно не знаю; говорил ли что тогда Остальский, я не знаю; однажды Остальский действительно надел на Савченко палицу, но в какое время это было, я не помню, как это произошло, я точно не помню; но в это время со стороны Остальского никакого призыва к поддержке неимущих не было, и Савченко никакого согласия на сбор денег не изъявлял, и об этом не говорилось"¹⁸.

14 апреля уполномоченный секретного отдела допросил епископа Аркадия. Владыка сказал: "На службу к вольным монахам на Благовещение я попал ненамеренно, а приходил к ушному врачу, но потом задержался и к монахам зашел, чтобы достать у них что-либо съестное, так как я мясной пищи не ем, почему иногда необходимые продукты достаю через них; потом я заходил туда иногда, чтобы исповедаться; всего я с ноября месяца был у них не больше пяти раз.

На Введение, в ноябре 1930 года, я у них служил, слово я произносил и припоминаю, что я говорил о значении храма для верующего и о том, что он приобретает в храме. Савченко Михаила я знаю, познакомился с ним в августе

1930 года – он мне несколько раз помогал материально, то есть, имея знакомых, которые имели карточки, приобретал продукты мне на даваемые ему деньги.

На Савченко палицу я возлагал – это было, когда Савченко получил из дому письмо о награждении его палицей; он обратился к епископу Герману о возложении палицы, но Герман сказал, что это могу сделать и я, что я потом и сделал по просьбе Савченко¹⁹.

29 апреля владыка снова был вызван на допрос. На вопросы следователя он отвечал сдержанно и скупое: "В Савватиеве с группой духовенства я встречался только с отдельными лицами, которые были сторожами кассы хозчасти, куда я ходил как вещкаптер.

Между нами никогда никаких разговоров не было; если и говорили, то только о нашей работе по должности здесь²⁰.

5 мая следователь допросил молодого священника, приговоренного к десяти годам заключения. В поселок Овсянку, где был епископ Аркадий, он был отправлен на год в штрафной изолятор за попытку побега из лагеря. Его отправили на работы в лес. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: "Епископа Остальского я узнал, прибыв на Овсянку отбывать ШИЗО, когда он, будучи вещкаптером и узнав, что я священник, сказал, что он епископ; ко мне он относился хорошо. Однажды дал три рубля, передавал хлеб и дал казенные портянки, не внося в книжку. Потом, когда я ушел работать в кружок безбожников, то он стал меня увещевать, что вот, мол, сколько здесь духовенства мучается, но все же от сана не отказывается... Ходило ли к нему духовенство, я не видел. На командировке он среди заключенных пользовался особой популярностью, и каждое его слово считали почти за святое²¹.

18 мая епископ Аркадий был в последний раз вызван на допрос; сначала он диктовал ответы следователю, а потом дописал собственноручно: "С группой священников в поселке Савватиево я никакой связи, кроме случайных встреч, не имел. Также советов им никаких не давал.

На службе у вольных монахов, которая у них была постоянной в своем помещении, я бывал как случайный посетитель, в службе я сам участвовал всего один раз, проповедей я там никаких не читал; о создании кассы взаимопомощи я не говорил и говорить не мог, так как сам у них пользовался продуктами. Виновным себя признаю только в посещении службы вольных монахов – но это я делал, не зная, существует ли запрет.

К вышеизложенному считаю необходимым добавить нижеследующее. В посещении вольных монахов я не считаю себя виновным. В 1928 году, когда я прибыл в поселок Кремль, мы, заключенное духовенство, не только имели полное общение с вольными монахами в храме, но и невозбранно ходили к ним на квартиры и даже дневалили в их квартире. Сам я в продолжение некоторого времени дневалил в их помещении. Бóльшую часть 1929 и 30-го годов я провел на острове Анзере и, когда после длинного перерыва пришел в Кремль, то узнал, что пять монахов живут в часовне и подле них нет даже дневального; отсюда я понял, что и вход к ним не возбранен, тем более что никто и никогда не объявлял мне запрет на встречу с вольными монахами. К тому же мне было известно, что все они работают вместе с заключенными и потому находятся в непрерывном с ними общении.

Что же касается духовенства, живущего в поселке Савватиево, то мои с ним отношения были таковы: знаком я только с тремя-четырьмя священниками... Со священниками я держался весьма осторожно, не знакомился с ними, ибо слышал,

что большинство их – антисергиевцы (то есть не признающие митрополита Сергия, которому я подчиняюсь) и автокефалисты-украинцы, порвавшие с нами духовное общение в 1919 году. С теми священниками, с которыми я был знаком, отношения наши были весьма поверхностны"²².

В июле следствие было закончено. Многие священники и миряне были осуждены на дисциплинарные наказания, заключающиеся в пребывании в штрафном изоляторе, и только дело епископа Аркадия было направлено для рассмотрения в Тройку ОГПУ, которая приговорила его к пяти годам заключения в концлагере. После приговора епископа в качестве наказания перевели на некоторое время на Секирную Гору.

По воспоминаниям современников, Секирная гора представляла собой подобие внутренней тюрьмы с самым суровым режимом. Кормили там гнилыми продуктами и то в самом малом количестве. На Секирной горе было два отделения – верхнее и нижнее. Целыми днями заключенные верхнего отделения должны были сидеть на жердочках, не доставая ногами до пола, вплотную друг к другу. На ночь разрешалось лечь на голом каменном полу, и не давали ничего, чем можно было бы укрыться. Заключенных было столько, что спать приходилось всю ночь на одном боку. В зимние месяцы это превращалось в пытку, так как окна в камере были разбиты. Через некоторое время заключенных из верхнего отделения переводили в нижнее и тогда позволяли работать, но работу давали самую тяжелую²³.

Несмотря на то, что епископ был осужден в лагере за помощь священникам, он, как только представилась возможность, снова стал помогать духовенству. Так в Соловках он в течение двух лет оказывал духовную и материальную поддержку братьям-священникам Правдолюбковым. Будучи знаком по спискам с фамилиями новоприбывших на Соловки, он сразу определял, кто из них мог быть духовного звания, и, войдя однажды в барак, спросил: "Где здесь Правдолюбовы?" Они отозвались. Епископ Аркадий протянул им свежий огурец и сказал: "Не беспокойтесь, я вас не оставлю". И затем поддерживал их и помогал им в течение почти двух лет до своего освобождения в начале 1937 года.

Отбыв 10 лет заключения, в феврале 1937 года епископ Аркадий прибыл в Москву. В Москве ему жить было запрещено, и он уехал к родственникам Правдолюбковых; несколько месяцев он жил в селе Селищи Рязанской области у протоиерея Михаила Дмитрова. В мае 1937 года епископ Аркадий ездил в Патриархию к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию и хлопотал о награждении протоиерея Михаила митрой. Митрополит Сергий удовлетворил просьбу епископа, и владыка сам привез в Селищи митру и возложил ее на о. Михаила.

Иногда епископ выезжал в Москву, в Киев, в Житомир. В Киеве он посетил Веру Васильевну Скачкову, которая когда-то жила в Житомире и, имея свой дом, предоставляла его для нужд братства. Уезжая в Житомир, владыка попросил, чтобы она предупредила его духовную дочь и ее мать, которые выходили его, когда он был болен, что на обратном пути он посетит их.

Шло беспощаднейшее гонение, и владыка, предчувствуя, что его опять арестуют и, вероятно, на этот раз безвозвратно, посещал всех, кого знал. В Житомир он специально поехал, чтобы побывать на могилах отца и матери, скончавшейся во время его пребывания в Соловках.

На обратном пути, в Киеве он посетил духовную дочь и ее мать. Поскольку посещения таких городов, как Москва, Киев и целый ряд других, ему были

запрещены, владыка держался чрезвычайно осторожно, стараясь, чтобы его не узнали. На пороге квартиры, где он прожил когда-то три недели, он появился в пальто с поднятым воротником и в темных очках. Владыка пришел поздравить именинницу с днем Ангела. Недолго пробыл преосвященный в Киеве и выехал в Калугу, где ему было разрешено властями постоянное проживание.

В это время он был назначен епископом Бежецким, викарием Тверской епархии, но к обязанностям приступить не смог по не зависящим от него обстоятельствам. Живя в Калуге, он часто виделся с архиепископом Калужским Августином (Беляевым), с которым поддерживал дружеские отношения как с человеком одного с ним подвижнического духа.

Наступил сентябрь 1937 года – время массовых арестов среди духовенства и верующих. 21 сентября в девять часов вечера НКВД арестовал архиепископа Августина, о чем тут же узнал епископ Аркадий. На следующий день около полуночи преосвященный Аркадий отправился на вокзал. Ему удалось сесть в поезд, но власти уже искали его. Состав был задержан, в поезд вошли сотрудники НКВД вместе с человеком, который знал епископа в лицо, и владыка был арестован. Поначалу его держали в Калужской тюрьме, а затем перевели в Бутырскую тюрьму в Москве.

17 октября начались допросы. Следователь спрашивал:

– Вы, являясь последователем истинной православной церкви, по существу стали в ряды самой реакционной части духовенства, ведущей борьбу против советской власти и не признающей таковую. Дайте показания по существу.

– Я являюсь последователем Православной Церкви по своим религиозным убеждениям, политическая же моя программа и отношение к советской власти основаны на предсмертном завещании Патриарха Тихона от 1925 года, на декларации митрополита Сергия от 1927 года и его интервью от 1930 года.

– Дайте показания о характере вашей контрреволюционной деятельности в 1928 году.

– В 1927 году, после того как появилась декларация митрополита Сергия, один из священников моей епархии обратился ко мне с письмом, в котором заявлял, что отказывается от меня и митрополита Сергия из-за декларации, потому что декларация и ее применение по существу есть измена православию. Я священнику ответил личным письмом, разъясняя ему ошибочность его взглядов. Он, взяв из моего письма отдельные мысли, несколько переработав их, от моего имени выпустил послание, направленное против митрополита Сергия. Когда же меня в ОГПУ спросили, кто это воззвание выпустил, я проявил сожаление к автору послания из-за его многосемейности и не указал его фамилию. За это был изолирован на пять лет в Соловецкий лагерь. Наказание отбыл полностью.

– В чем выразилось ваше преступление в 1931 году?

– Мне в лагерях прибавили еще пять лет за контрреволюционную агитацию среди духовенства, но я считаю это неверным. Это кто-то сделал умышленно против меня и целого ряда других лиц.

– Когда вы вернулись из ссылки и чем занимались до дня ареста?

– Вернулся я из ссылки в феврале 1937 года и ждал от митрополита Сергия назначения на должность. Более четырех месяцев я жил в Касимове, две недели в Калуге, раза три за это время был в Москве, где жил по три-четыре дня.

– Следствие располагает материалами о том, что вы в кругу своих знакомых занимались контрреволюционной агитацией, распространяя вредные слухи по

адресу советской власти, что она преследует религию, закрывает храмы, арестовывает невинных людей. Дайте показания по существу.

– С тех пор как я вернулся из ссылки, у меня в Калуге, кроме квартирной хозяйки, нет знакомых. В Москве таких знакомых мало. Никогда и нигде никаких контрреволюционных разговоров я не вел.

Следователь спрашивал, у кого епископ жил, когда находился в Касимове. Владыка Аркадий ответил:

– В городе Касимове я проживал в семье священника Правдолюбова; в семье – жена Правдолюбова Пелагея Ивановна и четверо детей. Затем жена другого Правдолюбова – Лидия Ивановна, у нее пять детей, и их отец и мать. Сами братья Правдолюбовы в Соловках. Я хорошо с ними знаком по месту ссылки, они же мне рекомендовали поехать в Касимов в связи с тем, что в квартире Николая Правдолюбова освободилась комната, которую я мог занять.

– Следствие располагает данными, что вы в связи с арестом архиепископа Августина бежали из Калуги, боясь ареста.

– Когда арестовали архиепископа Августина 21 сентября в девять часов вечера, о чем я вечером же и узнал... на следующий день 22 сентября в двенадцать часов ночи я отправился на вокзал с целью просить митрополита Сергия о назначении меня на Калужскую кафедру... Если бы я хотел бежать, то бежал бы в вечер ареста Августина, 21 сентября.

– Следствию известно, что вы в вагоне забрались на третью полку и, когда показывали проверяющим документы, то прятали свое лицо. Для чего вы это делали?

– В вагоне я лежал не на третьей полке, а на второй. Своего лица я не прятал. У меня даже мысли не было, что меня хотят арестовать.

– Кому из знакомых вы говорили: "Горю желанием служить Церкви, готов кровь свою пролить за Христа"?

– О том, что я горю желанием служить Церкви говорил тем лицам, которые меня спрашивали о том, что я намерен делать. Но "желание пролить кровь за Христа" – об этом не говорилось. Я горю желанием служить Церкви, то есть совершать богослужение... Я готов быть на должности любого рядового московского священника...

– Следствие, рассмотрев ваше прошлое, ваше враждебное отношение к советской власти, за что вы были трижды осуждены к пяти годам, пришло к выводу, что вы до сих пор еще враждебны к советской власти...

– О своем отношении к советской власти, о прошлых своих следствиях никогда я не давал таких прямых, ясных и откровенных заявлений, как теперь... Я считаю себя сейчас не враждебным к советской власти. О том, что я намерен заниматься подпольной контрреволюционной деятельностью, я никогда и никому не говорил, потому что я вернулся из Соловков с настроением... всего себя отдать служению Православной Церкви и религии²⁴.

"Свидетели", показаниями которых воспользовалось следствие, говорили: "В начале 1937 года в Москве снова появился епископ Аркадий Остальский, который восстанавливал свои связи. Он зашел и ко мне, как к старому знакомому. Я в беседе спросил его, чем он намерен заниматься. На это он ответил: "Я много выстрадал за время пребывания в лагере, но я снова горю желанием работать над укреплением Православной Церкви, разъяснять верующим смысл происходящих событий в жизни русского народа, укреплять веру в народе, хотя бы мне и снова пришлось пострадать за это, я готов на все". Епископ Аркадий в

беседе со мной заявлял: "Я, как христианин, не могу спокойно смотреть на происходящий разгром Православной Церкви и физическое уничтожение веры в народе... Я много страдал за свои убеждения и сейчас готов принять любое наказание, я этого не боюсь, буду снова работать над укреплением Церкви". Дальше Остальский заявил: "Новая конституция, выборы Верховного Совета так же, как и раньше, направлены против Православной Церкви и верующих. Это все делается показное, для заграницы, а пока есть советская власть, никаких разговоров о свободе вероисповедания и быть не может. Советская власть насильственными методами насаждает безбожие в народе"²⁵.

"Остальского я случайно встретил на улице возле Пименовской церкви, где в беседе со мной он заявил: "Приехал в Москву навестить своих духовных детей..." Дальше Остальский сообщил мне: "Правительство взяло курс на уничтожение последних оставшихся православных храмов, повсюду видишь запустение внешнее, но вера в Бога у народа велика, это я говорю по следующим урокам: стоит только епископу появиться в деревне и городе, моментально вокруг тебя собирается народ, и как на молитве себя держат верующие, это тоже характерно, тишина, торжественное благоговение, порядок". Остальский мне говорил при встрече: "Я не верю, чтобы русская нация совершенно сошла со сцены, нет, национальный дух живет в русском народе, и придет время, он себя покажет". Дальше Остальский заявил: "Меня хотят насильно оторвать от Церкви, умышленно не дают места, но я все равно буду работать над укреплением Церкви и веры в народе". Остальский разъезжает по различным городам СССР, где проводит работу по укреплению Церкви"²⁶.

Теперь следователь спрашивал об этом владыку, добиваясь подтверждения показаний "свидетелей". Преосвященный Аркадий ответил:

– В порядке обычных разговоров со своими знакомыми кто-то из них задал вопрос, что необходимо сделать для укрепления Церкви. Я говорил, что Церковь расшатывается вследствие нашего нравственного падения. Следовательно, для того, чтобы укрепить Церковь, необходимо в основу положить наше нравственное усовершенствование. Последнее является средством борьбы с неверием и его наступлением на Церковь. Нравственное усовершенствование является единственным средством укрепления Церкви, и наивысшим средством мы не можем располагать. К этому убеждению я пришел в 1935 году, когда в Соловки прибыл епископ Петр Руднев, который много рассказывал мне о нравственных проступках епископата и духовенства и полной разрозненности среди последнего. Уже в это время я пришел к выводу, что после освобождения я буду стремиться не к тому, чтобы управлять епархией, а чтобы иметь возможность совершать богослужение в храме. Если это не удастся, то быть хотя бы сторожем любого храма, скрыв от верующих свое епископское звание, с тем, чтобы своим высоким нравственным совершенствованием дать образец того, что и наши люди могут украсить Церковь в современных условиях. О борьбе с советской властью какими-то физическими или иными средствами я давно перестал и думать, вследствие того переворота, который я лично пережил, и сама Церковь в современном состоянии не способна к какой-либо подобной борьбе. Только нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих свяжет их между собой и сделает Церковь гибкой для сопротивления против наступающего неверия.

– Следствию известно, что вы говорили о том, что конституция создает условия для легальной борьбы Церкви против советской власти. Что вы можете сказать по этому вопросу?

– Я мог говорить о том, что нравственное усовершенствование служителей Церкви и верующих ничуть не противоречит смыслу конституции. Свобода исполнения религиозных обрядов предполагает нравственное усовершенствование верующих и укрепление самой Церкви. Только в этом смысле я мог говорить об использовании тех легальных возможностей, которые предоставлены мне конституцией.

– Следствие на основе имеющихся материалов пришло к твердому выводу о том, что вы враждебны к советской власти и готовы вести против нее борьбу.

– Из данных ранее мною показаний видно мое отношение к советской власти... Я расхожусь с советской властью только по вопросу религии. Только в этом вопросе и имеется та идейная борьба, о которой я говорил выше²⁷.

15 ноября состоялся последний допрос.

– Ваше отношение к советской власти? – спросил следователь.

– После пятнадцати лет, проведенных в ссылке, на сегодняшний день я остаюсь не согласным с советской властью по вопросу религии и закрытия церквей.

– Следствие располагает данными, что вы после отбытия срока наказания вернулись в Москву и возобновили нелегальную контрреволюционную деятельность. Вы это подтверждаете?

– Нет, я это не подтверждаю, контрреволюционной деятельностью не занимался.

– Вы даете неверные показания, следствие требует правдивых показаний.

– Свою контрреволюционную деятельность я категорически отрицаю²⁸.

В начале декабря следствие было закончено. 7 декабря Тройка НКВД приговорила епископа к расстрелу. Епископ Аркадий был расстрелян 29 декабря 1937 года на полигоне НКВД недалеко от поселка Бутово под Москвой и погребен в общей могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»

Тверь. 2001. С. 443-468

Примечания

¹ **Глубоко поучительный случай наказания Божия отступника от православия**

В деревне Адомове Велико-Цвильского прихода Новоградволинского уезда проживает мещанка Мария Дудкевич, сорока лет. Рожденная и воспитанная в православии, она по убеждению штундо-баптистов назад тому три года перешла к ним. Вскоре у Марии Дудкевич стали наблюдаться проявления тихого умопомешательства, а спустя немного времени она совсем сошла с ума. В минуты, когда несчастная приходила в сознание, ее посещали православные той же деревни, которые и убеждали ее возвратиться в лоно Православной Церкви, говоря, что и

самое ее умопомешательство тогда пройдет. Долго штундо-баптисты удерживали у себя больную, но последняя увидела, что с переходом в штунду, она не только не приобрела "нового знания" и "озарения свыше", но и потеряла тот природный ум, которым она обладала в православии. И вот Мария Дудкевич решила перейти в свою родную веру. Будучи привезена к родным в местечко Горошки Житомирского уезда, она дала тамошнему священнику обещание перейти в православие, что действительно исполнила. К радости православных, живущих в нашем обуреваемом штундой крае, над Марией Дудкевич опять проявилось действие Всемогущего Бога, – больная вдруг стала выздоравливать. Но, к несчастью, это продолжалось недолго; штундо-баптисты, пользуясь отдаленностью деревни Адомива от ближайшей церкви (село Великая Цвилья в десяти верстах), начали опять подговаривать Марию Дудкевич перейти к ним. Мария Дудкевич, поддерживаемая односельчанами – православными, некоторое время оставалась истинной овцой Православной Церкви, но потом начала посещать собрания штундо-баптистов и мало-помалу опять перешла к ним; отступница от православия стала открыто хулить православную веру и ее святую Церковь, доказывая, что только у "евангеликов" (штундистов) вера Христова – истинная. Дерзость отступницы доходила до того, что на собраниях она вступала в споры с православными миссионерами и защитниками родной веры и, заглушая всех, кричала о своей новой, правой вере. Но это продолжалось недолго; Бог Сам решил спорный в Адомове вопрос – у кого истинная вера – у нас ли, православных, или у штундистов. Мария Дудкевич опять впала в умопомешательство, сначала в тихое, а потом и буйное. Православные тогда опять, в минуты умственного просветления больной, уговаривали ее покаяться и возвратиться в православие. Благодаря частым посещениям больной православными ревнителями той же деревни, последняя дала обет навсегда отречься от штунды. Дивный в Своих делах Бог, скоро опять сподобил обещающую обратиться к Нему Своей милости, – у Марии стало наблюдаться умственное просветление, и спустя немного времени Мария Дудкевич стала чувствовать себя уже настолько здоровой, что стала готовиться ко святому причастию, каковое и сподобилась со слезами принять 10 сентября в Велико-Цвильской церкви.

Дай Бог, чтобы вышеописанное поучительное событие предостерегло "колеблющихся всяким ветром учения" от увлечения этой богомерзкой и антихристовой ересью, называемой штундой, а зараженных уже ею заставило бы подумать о том наказании, которое может постигнуть их еще на земле и которого уже никак не избежат они в жизни загробной.

Аркадий Остальский

(Волынская епархиальные ведомости 1910. № 46. С. 825).

Поездка к сектантам

30 июля сего года я, по поручению отца архимандрита Митрофана, прибыл в село Ничпалы для беседы с живущими недалеко оттуда сектантами. Нарочно для своей поездки я выбрал воскресенье, чтобы на беседу собралось как можно больше людей. Но тут же узнал я, что мое желание – провести публичную беседу, не осуществится. Сектанты живут от ближайшего православного селения – деревни Конотоп, в четырех верстах и, конечно, в Конотоп на беседу не придут, равно как и конотопские православные не пойдут для слушания беседы к сектантам на хутора. Поэтому я решил беседу с православными отложить до более удобного весеннего или зимнего времени, а пока познакомиться с сектантами.

На другой день, после утрени, в сопровождении студента академии Константина Струменского я выехал к сектантам. Дорога предстояла убийственная, которая и отняла у нас немало времени; так что, несмотря на наше желание и невероятное усилие лошадей, к сектантам мы приехали около часу дня, когда собрание уже окончилось. Не зная, как отнесется к нашему визиту проповедник штундистов, я послал к нему кучера, прося позволения зайти в дом его. Хозяин ответил согласием, и мы, вооружившись Библией, вошли во двор сектанта. У дверей дома нас встретил сам проповедник и пригласил в свою квартиру. Комната, в которую мы вошли, предназначалась для религиозных собраний, что и видно было по священным изречениям, заключенным в рамки и висящим на стенах, а также и по ряду скамей для слушателей. Собрание недавно окончилось, а потому стол был завален массой русских и немецких книг. Встретившая нас хозяйка вышла и скоро вернулась в сопровождении еще нескольких сектантов. И так составилось у нас маленькое, из человек десяти-двенадцати, религиозное собрание. Я повел беседу по обычному методу.

"Как мы, так и вы веруем в одного и Того же Господа; как мы, так и вы читаем одно и то же Слово Его, но вера у нас разная. И мы, и вы, люди разных вер, носим одно и то же имя – христианина, и свою веру называем Христовой. Христос же принес не две, а одну веру. Итак, одна

из этих вер не истинная, не Христовая, не евангельская. Христовой и евангельской верой можно назвать только ту, в которой исполняются все слова евангельские. Кто называет себя евангеликом, тот должен стремиться выполнять все слова Евангелия".

Отсюда я перешел к самому трудному для сектантов месту, Луки гл. 1, ст. 48 о почитании Богоматери. "Вот вы называетесь евангеликами, – сказал я, – а Богоматери не почитаете, то есть другими словами, нарушаете евангельские слова. Что скажете на это?" Проповедник по обыкновению начал говорить о внутреннем только почитании Богородицы. Когда же его доказательства в пользу внутреннего почитания Богородицы оказались малоубедительными, то он напал на православных, что и они в праздники не Богородицу почитают, а с особенной страстью предаются грехам и "прославляют и угрождают самим себе".

После получасовой беседы о почитании Богородицы, не имея возможности защитить свое лжеучение, проповедник сел на излюбленный сектантами конек – о недостойных пастырях и о платах "за требы". На эту излюбленную и настоящим проповедником тему последний говорил очень много, выводя на сцену многих наших "недостойных" пастырей, пасущих свое стадо "из-за гнусной корысти": очевидно, здешний защитник сектантства стоит, что называется, в курсе настоящего дела, собирая сведения о различных дефектах жизни и деятельности православных пастырей.

Покончивши и с этим вопросом и указавши, что и между святыми апостолами нашелся грешный Иуда, а также обративши внимание сектантов на слова апостола Павла: "Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю" (Рим. 7, 19), я доказал, что и недостойных даже учителей и пастырей нужно слушаться (Мф. 23, 3), ибо и через них действует благодать Божия (Ин. 11, 51).

После этого мы стали беседовать о почитании святых и о их за нас молитвах, говоря, что если грешник в аду мог молиться за своих живых братьев (Лк. 16), то тем более права на это имеют праведники, молитвы которых угодны Богу (Иак. 5, 16).

А что это так, видно из того, что Сам Бог иногда требует молитв за людей у святых Своих. Так, по Его требованию Иов молится за своих друзей, по Его же приказанию и Авраам молится за фараона. Правда, тут живые молятся за живых, но у Бога нет мертвых, "ибо у Него все живы" (Мф. 22, 32; Лк. 20, 38). Но если молитвы праведников еще здесь, на земле живущих, имеют цену в очах Божиих, то сколь ценнее молитва праведного, увенчанного венцем славы. Неизбежно за этим последовала беседа о неканонических книгах, каковых, кстати сказать, не оказалось в сектантской Лондонского издания Библии, и окончилась она ответами моими на предложенные сектантами (проповедник остался недоволен и в конце говорил мало) вопросы религиозного, нравственного и житейского характера.

В пять часов мы выходили от сектантов, напутствуемые различными их благопожеланиями и извинениями...

На мой вопрос у сопровождавшего нас православного из деревни Конотоп – как православные относятся к сектантам, последний ответил, что православные мало сообщаются с ними и потому не испытывают на себе сектантского влияния, так что число сектантов – тридцать человек – уже давно стоит на точке замерзания.

Помощник епархиального миссионера
Аркадий Остальский

(Волынская епархиальные ведомости 1911. № 39. С. 757-758).

ПО ЕПАРХИИ

Из Староконстантиновского уезда

Через несколько дней после своего водворения в Староконстантинове я посетил самое ближайшее и опасное для православия село Капустин. С первого же своего знакомства с этим пунктом я пришел к заключению, что Капустин – самое страшное и требующее наблюдения село, и потому положил себе за правило как можно чаще в него наведываться. И в этом мне Бог помогал: за истекший год Капустин я посетил около десяти раз. Несколько раз служил я там, сопровождаю служения двумя, а иногда и четырьмя проповедями. Здесь же мною в помещении церковной школы велись несколько раз миссионерские беседы. Сектанты, несмотря на мои просьбы, бесед не посещали и только в октябре во время четырехдневных курсов впервые пришли. В Капустине мною за весь год было роздано до двух тысяч листов. В общем, в Капустине за весь год мною было произнесено около тридцати бесед на все важнейшие пререкаемые сектантами пункты православного учения.

После Капустина на первом плане я поставил Лажевую, в которой был пять раз. В Лажевой пока нет ничего страшного, но, не дай Бог, там может приютиться хлыстовство, ибо к крестьянам, жаждущим, как нигде в других селах, живого слова, стал появляться лжемонах, который уже начинает проповедовать безбрачие и воздержание от некоторых видов пищи. Приезжая в Лажевую, я каждый раз вел религиозно-нравственные беседы и раздавал листки, выписанные или же перепечатанные мною. В последнее же свое посещение Лажевой я вел беседу при помощи световых картин. В ограждение от могущей быть опасности в соседнем селе Багляях я тоже вел с световыми картинками беседу.

В верстах пятнадцати-двадцати от меня находится и село Сквородки, в котором насчитывается до шестидесяти пяти штундистов. Это село я посетил пять раз, но беседы удалось вести только два раза, один раз в волости при незначительном количестве слушателей и другой раз два дня подряд в церкви (во время Великого поста). Был же и в приписном к Сквородкам селе Новоселице, где во время освящения церкви беседовал о храме и обличал сектантов, не имеющих храмов.

По приглашению отца Яковкевича служил и беседовал в селе Западинцах, где собралось несколько тысяч богомольцев. Был также в селе Кобыльи, расположенном на границе с Подольской губернией и уже испытывающем влияние тамошнего сектантства. Литургисал и проповедовал в селе Пашковцах, хотя и не зараженном, но соседним с Капустиным селе. Во всех этих вышепоименованных селах обильно раздавал самую разнообразную литературу, которую наделили меня отцы Митрофан и Виталий и которую я выписал или даже сам печатал. Наконец был приглашен я и на освящение церкви в селе Воронковцы (восемь верст от Сквородок), где тоже проповедовал слово Божие.

На границе нашей епархии в соседстве с пресловутой сектантской Ярославкой находится село Самчики, в котором уже года три проживает штундист. Великим постом Бог помог мне посетить и этот пункт. Там я прожил четыре дня, утром и вечером посещая многолюдные (благодаря прекрасному служению отца Недельского и хору матушки – Недельской) службы и знакомя православных с обличением сектантства.

Удалось мне заглянуть и в отдаленные пункты, м. Купель и село Зарудье. В Купеле провел четырехдневные курсы и удостоился два раза совершать литургию при пении прекрасного хора, организованного учителем Сиверским. В Зарудье же я был два раза: в первый раз совершал литургию (возвращаясь от Козац. могил), а во второй раз ездил нарочно на трехдневные курсы. В оба моих приезда являлись и сектанты, но после первой же беседы уходили.

С Божией помощью я побывал два раза в Адомове Цвильского прихода, совершал литургию и проповедовал. Возвращаясь же из Цвили, посетил я м. Рогачев, Смолдырев и Майдан Лабунский. Во всех этих местах беседовал и раздавал обильно листки. Два раза мною было посещено село Конотоп Ничпальского прихода. В первый свой приезд я посетил проповедника баптизма Ковальчука, а во второй – беседовал при более чем тысячной аудитории. На беседу поприходили люди за десять-пятнадцать верст. Были и сектанты, вернее, полусектанты, которые робко возражали мне. Но Бог помог мне – и православные были очень довольны. В Решневке Изясл. уезда был один раз. Сектантство там почти что неизвестно (один случайный сектант), и потому там провел беседу догматико-нравственного характера.

Священник Аркадий Остальский

(Волынская епархиальные ведомости 1913. № 4. С. 64-65).

² Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-15353. Л. 79.

³ Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-15353. Л. 79.

⁴ Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-15353. Л. 79.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Арх. № Р-29741. Л. 6-7.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-15353. Л. 158.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-15353. Л. 158.

¹¹ Архив УФСБ РФ по Архангельской обл. Арх. № П-15353. Л. 158.

Эти скупые характеристики для нас важны тем, что с особенной ясностью свидетельствуют о епископе Аркадии как о человеке глубокой веры, пользовавшемся большим авторитетом среди духовенства и епископата, так что это было заметно и для тюремщиков.

¹² Там же.

¹³ С.А. Орлик родился в 1891 году. За националистическую украинскую деятельность был в 1913 году арестован и осужден. Во время революции 1917 года получил освобождение и стал членом Украинской Рады. После большевистского переворота в октябре 1917 года стал председателем Рады. До 1918 года был настоятелем собора в Тифлисе. С 1918 по 1921 год – член партии большевиков. В 1919-1920 годах – дипломатический представитель Украины на Ближнем Востоке. С 1921 по 1929 год служил священником в автокефальных раскольничьих храмах в Киеве и Житомире. В 1929 году, вероятно как представитель националистического украинского правительства, был арестован и осужден на десять лет. Живя в Житомире, он знал, что бывший тогда священником Аркадий Остальский неустанно разъясняет народу пагубность и опасность самосвятского движения. Теперь в лагере он давал о владыке Аркадии показания.

¹⁴ Там же. Л. 26.

¹⁵ Там же. Л. 50.

¹⁶ Там же. Л. 64.

¹⁷ Там же. Л. 70.

¹⁸ Там же. Л. 72.

¹⁹ Там же. Л. 80.

²⁰ Там же. Л. 82.

²¹ Там же. Л. 106.

²² Там же. Л. 136.

²³ Архимандрит Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания. (Записки соловецкого узника). М., 1997. С. 98.

²⁴ Архив Службы Национальной Безопасности Украины по Житомирской обл. Арх. № 25517-П. Л. 9-11, 14-15.

²⁵ Там же. Л. 26-27.

²⁶ Там же. Л. 29-30.

²⁷ Там же. Л. 19.

²⁸ Там же. Л. 21.